

ПРОЛОГ

27 декабря 1991 года. Приволжско-Уральский военный округ. Штаб полка

— Ну и куда ты собрался? — полковник, насупившись, сверлил меня тяжелым взглядом. — Ты думаешь, я тебя отпущу? Ошибаешься. Шаркунов паркетных у меня хватает, а вот каждый боевой офицер на вес золота. Ты нужен армии и стране. Понимаешь?

— Так точно, — сухо отвечаю начальству. Мое лицо полностью невозмутимо.

— Да расслабься ты, вольно, — досадливо машет рукой начальник. — Вот скажи мне, Шелестов, что за дурь тебе в башку стукнула? Ты же из семьи военных, у тебя и дед и отец служили всю жизнь, а ты вот уходить из армии собрался.

— Вам честно ответить? — уточняю я. Мои кулаки непроизвольно сжимаются, лицо каменеет.

— Говори, как есть, — устало бросает полковник, — мог бы и не спрашивать, сколько лет друг друга знаем...

— И отец, и дед служили Союзу. Они защищали эту страну и присягали ей. Я тоже клялся «защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни». Это обещание я не сдержал. Неважно, по каким причинам. СССР больше нет. Мне нечего защищать. СНГ, — выплевываю это слово, — я присяги не давал. Считаю, что после этого я не имею права носить погоны. Офицер дает присягу один раз,

и если она нарушена, никакого морального права продолжать службу не имеет.

— Ты на что это намекаешь? Может, мне тоже из армии уйти? Что-то ты много себе позволяешь, капитан. — Лицо полковника наливается кровью.

— Я вам высказал свои мысли. Честно, как договорились. Не считаю возможным дальше продолжать службу, — отвечаю бесстрастно. Стиснутые кулаки нехотя разжимаются.

— Ладно, — полковник обессиленно откидывается на спинку кресла, — подавай рапорт, я подпишу.

4 октября 1993 года. Белый дом. Москва

Удушливый черный дым разъедает легкие и режет глаза. Под ногами хрустят осколки стекол, обломки мебели и кусочки кирпичей. Горят обстрелянные танками этажи Верховного Совета. Я стою, прижавшись к стене и держа в согнутой руке «стечкин».

— Алексей, сейчас сюда зайдет «Альфа», положат всех. Нужно сдаваться, мы проиграли, сопротивляться дальше бессмысленно, надо сохранить людей живыми, — дергает меня за плечо Рудаков. Лицо бывшего майора черно от дыма и лоснится потом.

— Сдавайся, — равнодушно пожимаю плечами, — я останусь здесь.

— Это никому не нужный героизм, — продолжает настаивать активист «Союза советских офицеров», — пока мы живы, есть надежда.

Раздается грохот взрыва этажом выше. Здание содрогается. На наши головы сыплется штукатурка. Мы непроизвольно пригибаемся. Стряхнув с лица белую пыль, поворачиваюсь к Рудакову.

— Не обманывай себя, — пристально смотрю в глаза товарищу, — у нас был шанс. Мы его упустили. Мы прощрали страну. Сидеть в тюрьме я не буду. Пошли они все...

— Ладно, — тяжелая рука майора вкладывает мне в ладонь второй «стечкин», — возьми, он тебе понадобится. Прощай, брат.

Рудаков на мгновение притискивает меня к себе и, смутившись, резко отталкивает. Он дает знак двоим оставшимся в живых бойцам, находившимся сзади, и вся тройка, перебегая от стены к стене, двигается к выходу.

Я переставляю переводчики-предохранители пистолетов на автоматический огонь, медленно иду по коридору, вытянув руки. Прохожу мимо одной из комнат и останавливаюсь. В помещении, раскинув руки, лежит молодая девушка. На фоне искореженного осколками тела ее бледное лицо выглядит нетронутым.

Русые волосы потемнели и слиплись от расплывшейся под ней лужи крови. Мертвые глаза на восковом лице уставились в потолок. Только рука еще сжимает разорванное в нескольких местах красное знамя.

Пару минут назад на моих глазах этажом выше пуля снайпера убила старика. Он пришел «защищать» Белый дом на костылях. На потертom сером пиджаке, вместе с рядом наград, блестели медаль «За отвагу» и орден Красного Знамени. Уходить старик отказался. Сказал, его место здесь, в здании Верховного Совета. Деда положили, когда он подошел к окну, где толпились возбужденные московские зеваки, глазающие, как из танков расстреливают их соотечественников, защищавших законный парламент и социалистическую конституцию РФ. Старик начал им что-то кричать о совести и стыде, призывать армию не стрелять в свой народ. Через несколько секунд ему в лоб всадили пулю. Деда откинуло назад, костыли разлетелись в стороны. Осталась только жирная кровавая клякса на стенке. Сволочи... Народная армия называется. Фашисты не смогли, так свои добились. Будьте вы прокляты, иуды.

Я отвлекаюсь от невеселых мыслей, кладу пистолеты на пол. Аккуратно вытягиваю флаг из маленькой ладошки и накрываю им убитую девушку. Нереальность происходящего сжигает мозг. Кажется, что это дурной сон, который сейчас закончится. На мгновение закрываю глаза. Жалость к убитым душит горло спазмом. Секундная слабость проходит. Медленно подбираю «стечкины» и встаю. Чувствую полную опустошенность и невероятную усталость. Кажется, пистолеты весят невероятно много. Усилием воли заставляю себя собраться. «Стечкин» в левой ладони отправляется за пояс. Извлекаю из кармана яйцеобразную РГД-5. Разгибаю усики. Выдерживаю чеку. Левая рука надежно фиксирует рычаг прижатым к темно-зеленому корпусу. Пока я его не отпущу, граната не взорвется. Живым я сдаваться точно не собираюсь.

Выхожу на лестницу. Гремят взрывы. Трещат автоматные очереди. Спускаюсь вниз. Мимо меня вверх по лестнице пробегает группа мужчин. Один из них, в милицейском кителе и с окровавленной повязкой на голове, хватается меня за рукав и кричит:

— Куда? Нижние этажи уже штурмуют! Скоро они будут здесь! Давай наверх.

Освобождаюсь рывком и молча продолжаю движение. Захожу на нижний этаж. Весь коридор в клочьях каких-то бумаг. В комнатах попадаются трупы. Пара помещений чадят черным дымом, кое-где видны языки пламени. Всюду обрывки одежды и окровавленные куски человеческих тел. Афган все-таки меня хорошо закалил, первый шок прошел, и сейчас я наблюдаю за этим, как со стороны, отстраненно и холодно. Все эмоции заморозились и застыли где-то в глубине моего мозга.

Краем глаза улавливаю какое-то движение в проеме. Время замедляется, и я отчетливо вижу, как в коридор, тускло блестя ребристыми боками, влетает Ф-1. Это кажется невероятным, но за долю секунды я успеваю

рассмотреть даже миниатюрную царапинку на одной из граней. Натренированное тело реагирует само. Прыгаю «рыбкой» под укрытие несущей стены одного из помещений. В замкнутом пространстве взрыв этой гранаты — верная смерть. В помещениях до тридцати квадратных метров не остается ни одного «живого» места, все окружающее пространство иссекается осколками. Радиус поражения до двухсот метров. Количество осколков — до трехсот. И это еще не считая мощное фугасное действие «эфки», которое может вызвать контузию. К счастью, до меня и стены, за которой я спрятался, она не долетела пару метров, упав в коридоре.

Взрыв сотрясает пространство. Прижавшись к стене, переживаю секунду. Стандартная схема зачистки помещений от противника. Сначала бросается граната. Потом заходят вооруженные бойцы и добивают тех, кто выжил после ее взрыва.

Посмотрим еще, кто кого «зачистит». Отпускаю рычаг РГДшки. Пружина разворачивает и отбрасывает его. Освобожденный ударник протыкает капсюль. Отсчитываю две секунды и отправляю гранату по направлению к проему входа. Там уже появились две фигуры в темно-зеленом камуфляже и бронированных шлемах PSH-77 TIG. Увидев мой бросок, они реагируют моментально. «Калашниковы» в руках спецназовцев кашляют злыми сухими очередями. Но я уже под укрытием стены. Уйти от гранаты «чистильщики» не успевают. Она взрывается у них в ногах. В следующее мгновение я выкатываюсь из помещения, стреляя сразу из двух пистолетов. В бронежилет лупить очередями из «стечкиных» бессмысленно, в каску из титана — тоже. Мощное забрало TIG, оснащенное узким просветом бронированного стекла, похоже на рыцарское. Оно отлично закрывает лицо. Но остается незащищенной узкая полоска шеи.

Именно туда я и целю, добивая покалеченных бойцов с изорванными осколками ногами. Минус два. Один

спецназовец лежит неподвижно, второй дергается в судорогах, стараясь прикрыть рукой бьющий из шеи ярко-алый фонтанчик крови. Точно задета сонная артерия. Ему осталось жить считанные секунды. Это вам не безоружных расстреливать. Я умею воевать. Два с половиной года командовал разведзвездом в Афгане, лично водил ДРГ в рейды. Моджахеды даже за мою голову награду назначили. Двести тысяч долларов. Но она осталась при мне.

Подхватываю на плечо автомат. Снимаю с одного трупа подсумок с запасными магазинами. К счастью, их осколки не повредили. Бронежилеты не трогаю. Они сильно ограничивают подвижность, и усталость наступает быстрее. А мне нужно перемещаться резво и, возможно, долго, хотя разумом понимаю, что шансов выжить и отбиться нет.

Шум канонады нарастает. Похоже, штурм Белого дома вступает в завершающую стадию. Перебежками ухожу к черному входу. Под ногами мелькают ступеньки лестничного пролета. Через минуту я уже нахожусь на другом этаже. Забегаю в одно из помещений. Аккуратно выглядываю в окно. Прямо перед Верховным Советом стоят Т-72 и 80, несколько БМП и БТР. Из танковых дул и пулеметов вылетает смерть, разнося оконные проемы вдребезги. Вижу, как из Т-72 открывается люк и появляется голова в шлемофоне. Танкист улыбается и позирует зевакам с фотоаппаратами. Стараясь не особо высовываться из проема, быстро прицеливаюсь и спускаю курок. Голова танкиста дергается, и он заваливается на башню. Сразу же ухожу в сторону под прикрытием стены. На окно обрушивается шквал пуль. Пригнувшись, покидаю помещение. На выходе из этажа сталкиваюсь с очередной группой защитников Белого дома. Они, держа раненых под руки, перемещаются на верхние этажи. Подхватываю пожилую женщину с перебинтованной ногой, пыхтя от натуги, тащу ее на-

верх. Этажом выше ее перехватывают у меня два человека в белых халатах. Игнорируя очередные призывы идти наверх, опять спускаюсь на нижние этажи. На лестничной клетке вижу мелькающие фигуры в камуфляже. Судя по экипировке, это штурмовики элитных спецподразделений, возможно даже «Вымпела» или «Альфы». «Калашников» дергается в моих руках, злобно выплевывая патроны. Движение бойцов прекращается. Раздаются ответные очереди. Отступаю вверх и заускаиваю на этаж. Сталкиваюсь в проеме еще с одним штурмовиком. Стреляем мы одновременно. Нас отбрасывает в разные стороны. Боли не ощущаю, но чувствую неприятный холод в груди. Трогаю ее рукой и вижу, как ладонь окрашивается в красный цвет. Рубиновые капли стекают с пальцев.

Штурмовики уже недалеко от меня. В коридоре стонет и ворочается столкнувшийся со мной боец. Мощный бронезилет 4-го класса выдержал очередь «калашникова» 5.45 в упор. Но внутренности все равно превратились в кровавую кашу. Долго штурмовик не протянет, а если и выживет, останется инвалидом.

Все это мелькает в моей голове за какую-то долю секунды. Уже в полубессознательном состоянии, уплывающая «за горизонт», отстраненно замечаю, как один из вбежавших на лестничную клетку бойцов поднимает забрало каски. Вижу перекошенное ненавистью лицо.

— Сдохни, сука, — с ненавистью цедит он и опускает автомат. Звучит сухая очередь. Напоследок от души пнул меня ногой, «спецназовец» убегает за своими товарищами в коридор.

Проваливаюсь в забытие, руки и ноги немеют, свет медленно гаснет в глазах. В последний миг возникает родное лицо мамы. Ее глаза смотрят на меня с укоризной, а губы шепчут «Алеша». Я хочу ответить, но проваливаюсь во тьму.

* * *

8 сентября 1978 года. Пятница

— Алеша, вставай. Хватит спать! В школу опоздаешь, — раздается сердитый мамин голос.

Я медленно открываю глаза. Секунду смотрю на подлокотник потертого старого дивана, белый потолок комнаты, советские обои с золотистыми узорами и подскакиваю как ударенный током.

«Что это, черт подери, такое? Предсмертные галлюцинации? Как я мог оказаться в своей квартире из детства? Дьявольщина какая-то», — судорожно мечутся в голове панические мысли.

— Леша, сколько можно валяться? — в комнату заглядывает статная женщина лет тридцати пяти. С ужасом узнаю в ней свою маму, скинувшую лет пятнадцать. Жадно смотрю на родные черты лица. Русые длинные волосы, забранные в хвост, белозубая улыбка, маленький задорно вздернутый носик, яркие синие глаза. Папа рассказывал, что в молодости у нее отбоя от женихов не было, а выбрала его и уехала с молодым лейтенантом в далекий сибирский гарнизон.

«Мамуль, какая же ты у меня красивая и совсем молодая», — думаю я. Глаза непроизвольно увлажняются, к горлу подступает большой ком.

— Лешенька, с тобой все в порядке? — встревоженно спрашивает мама, моментально уловив мое состояние.

— Конечно, мам, — автоматически отвечаю я.

— Тогда иди умываться и чистить зубы. Времени совсем нет, в школу опоздаешь.

— Хорошо, — покорно соглашаюсь я и бреду в ванную. В зеркале вместо моего крепкого тренированного тела, рельефных сухих мышц, перевитых тугими узорами жил, отражается худосочная фигура подростка с тонкими руками-веточками и только начинающей прори-

совываться мускулатурой. Детское лицо с зачатками растительности над верхней губой недоуменно смотрит на свое отражение.

«Обалдеть», — в изумлении трясую головой. Всматриваюсь в зеркало. Те же внимательные голубые глаза, русая челка, высокий лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой. Да, это я. Но только лет моему двойнику, отражающемуся в зеркале, не больше пятнадцати-шестнадцати. Стряхиваю наваждение, быстро чищу зубы, старательно елозя по ним своей «детской» зубной щеткой, и, ополоснув лицо, иду на кухню.

Холодильник «Зил», купленный отцом после командировки в Анголу, притулившийся сбоку раскладной чешский стол, сияющий белизной кухонный гарнитур и советская плитка с голубыми цветочками усиливают ощущение нереальности происходящего. В этой квартире я провел несколько лет, до своего выпуска из школы.

— Леш, чего на пороге застыл? — раздается опять мамин голос. — Странный ты сегодня какой-то. Проходи, садись. Я тебе уже завтрак положила.

Присаживаюсь на табуретку, аромат котлеты по-киевски и горячая картошка пюре вызывают зверский аппетит.

Начинаю ожесточенно работать вилкой. Кусочки котлеты и картошка с энтузиазмом перемалываются мною. Ммм, как вкусно. Домашняя советская еда из натуральных продуктов. Как же я по ней соскучился. Еще и мама рядом, молодая, красивая, сидит сбоку и смотрит на меня, задумчиво подперев ладошкой щеку. От нахлынувших чувств опускаю вилку и набираю в грудь воздух.

— Леш, ну что с тобой опять? — голубые мамыны глаза озабоченно смотрят на меня. — Ты сегодня какой-то не такой. Может, тебе нездоровится?

Я с шумом выдыхаю, сдерживая себя.

— Нет, мамуль, все в порядке, — после небольшой паузы отвечаю немного хриплым от волнения голосом, — просто я тебя люблю, очень-очень.

— Я тебя тоже люблю, Лешенька. — У мамы влажнеют глаза. Она встает и прижимает меня к груди. Я чувствую на своей голове нежные материнские руки и тихо млею.

— Ладно, иди, собирайся в школу, понежничали и хватит, — мама шутливо отталкивает меня и отворачивается, вытирая ладошкой глаза.

Я деликатно делаю вид, что ничего не замечаю, и шагаю в свою комнату. На «моей» полочке в шкафу стоят учебники за 10-й класс. Так, по крайней мере, понятно, что я доучиваюсь последний год. Открываю дневник, с интересом рассматриваю расписание. Алгебра, русский, физика, НВП, химия, история — господи, как давно это было, и вот сейчас опять топтать в школу, в свой 10-А. Меня просто распирает от нахлынувших чувств. Это невероятно! Хочется прыгать от переполняющей душу радости и танцевать лезгинку.

Черт, а какой сегодня день недели? Какие учебники собирать в лежащую у стенки сумку?

— Мам, а что у нас сегодня? А то я уже в днях недели запутался, — взываю к родительнице.

— Сына, сегодня пятница. Что-то сегодня все-таки с тобой не то, — появившаяся на пороге мама шутливо грозит мне пальцем. — Склероз в шестнадцать лет? Рановато.

Собираю сумку. Достая плечики с выглаженной школьной формой. Спустя пару минут я уже одет. Темно-синий пиджак сидит на мне относительно свободно, только рукава смешно топорщатся на локтях и значок «ВЛКСМ» задорно поблескивает на лацкане.

«Настоящий комсомолец», — ирония просто переполняет меня. Еще ощущаю себя 31-летним мужиком, по недоразумению попавшим в детский сад. В прихожей

обуваю туфли, хватаю с тумбочки ключи и прощаюсь с мамой. Выхожу на улицу, и мое настроение поднимается. Снова здравствуй, родной Новоникольск. Здесь, в тихом подмосковном райцентре я прожил с родителями несколько счастливых лет, пока не закончил школу.

Знакомые с детства силуэты домов, простые и открытые лица людей, спешащих на работу, приветливое солнце, игриво стреляющее теплыми лучиками мне в лицо, деревья с уже распустившимися листьями, наполненными сочной зеленью, — ощущение счастья теплой волной окатывает мою душу.

Останавливаюсь и задумчиво смотрю на залитое синевой небо с неторопливо проплывающими белоснежными облаками.

«Я снова в СССР. Никаких конфликтов, путчей, безработицы, инфляции, войны в Приднестровье, горящего Белого дома, трупов. Я молод, и со мной мои родители. Спасибо, Господи, или кто там, что дал мне второй шанс. Клянусь, я использую его лучше, чем в прошлый раз».

— Лешка, ты чего встал? — увесистый предмет хлопает меня по спине.

Разворачиваюсь. Вижу россыпь веснушек, которую природа щедрой рукой бросила на лицо Паши Амосова. Одноклассник, улыбаясь и покачивая на плече портфелем, смотрит на меня.

Не удерживаюсь и от избытка чувств отпускаю ему сочный щелчок по большому лбу.

— За что? — бурчит Паша, потирая голову.

— В следующий раз не будешь портфелем по чужим спинам бить, — наставительно объясняю товарищу.

Мы идем в школу. Паша что-то рассказывает мне о Малышевой из «десятого Б», закатившей истерику из-за четверки по самостоятельной, о нашей классной, обещавшей свозить желающих на осенние каникулы в Тбилиси, трудовике, за шиворот выкинувшем из